

Но совпадение или единение центров познающего и познаваемого на уровне интуиции выражает в свете этизированной Соловьевым сущности вполне определенное состояние – любовь. Действительно, это совпадение при постижении абсолютного сущего как «безусловного единства» и поэтому «безусловная любовь» возможна лишь при «впадении» собственно познающего в состояние любви, что и означает воспроизводство глубинными пластами его существа всемогущих сил единения. Это и есть момент обретения истины любви. Введение в решении вопроса об универсальной сущности интуиции этического основания, разумеется, не открывало ее внутренних глубинных пластов, однако открывало направление для дальнейших исследований.

Исследование выполнено в рамках аналитической ведомственной программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 гг.)». Проект № 2.1.3./6499.

Примечания

- ¹ Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве // Соловьев В.С. Соч.: В 2 т. М., 1989. Т.2. С.80.
- ² Соловьев В.С. Указ. соч. С.84.
- ³ Там же. С.53.
- ⁴ Там же. С.55.
- ⁵ Там же. С.97.
- ⁶ Соловьев В.С. Философские начала цельного знания // Соловьев В.С. Соч.: В 2 т. М., 1990. Т.2. С.192.
- ⁷ Соловьев В.С. Философия начала... С.226.
- ⁸ Там же. С.273.
- ⁹ Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве... С.62.

УДК 1(470)+929

НИКОЛАЙ БЕРДЯЕВ: ЭСТЕТИКА ТРАДИЦИИ И ПАФОС РЕВОЛЮЦИИ

А.М. Соколов

Российский государственный педагогический университет
E-mail: docentsokolov@yandex.ru

В статье представлена точка зрения на философию Н.А. Бердяева, позволяющая понять ее как следствие сложного взаимодействия двух противоположных факторов. С одной стороны, его происхождения и воспитания; с другой – его вовлеченности в стихию исторических потрясений. Автор подчеркивает, что «примирение» этих моментов, согласно учению русского мыслителя, возможно благодаря творческому началу в человеке.

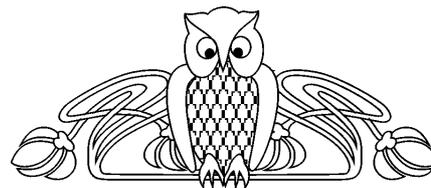
Ключевые слова: традиция, антропология, личность, творчество, преобразование, преображение.

Nikolay Berdjaev: the Aesthetics of Tradition and Pathos of Revolution

A.M. Sokolov

In article is presented the point of view on N.A. Berdjaeva's philosophy, allowing to understand it as consequence of difficult interaction of two opposite factors. On the one hand, its origin and education; on the other hand, its involvements into elements of historical shocks. The author underlines that «reconciliation» of these moments, according to the doctrine of the Russian thinker, probably, thanks to the creative beginning in the person.

Key words: tradition, anthropology, personality, creatu, religious consciousness.

Н.А. Бердяев входит в круг тех русских мыслителей, которые завершают непродолжительный, но очень интенсивный период расцвета русской религиозной философии: Сергей Булгаков, Лев Карсавин, Иван Ильин, Николай Лосский. В их трудах религиозное сознание достигает высшего философского уровня. Бердяев на Западе известен как выразитель православного мировоззрения.

«Значение Бердяева в истории русской философии заключается главным образом в том, что он в очень ясной форме выразил главные тенденции и главные итоги ее развития и тем самым сделал очевидным ее оригинальность на фоне классической западной философии»¹. Бердяев отчетливо осознавал свое философское призвание, которое сформировалось очень рано: «Во мне необычно рано пробудился интерес к философским проблемам, и я сознал свое философское

призвание еще мальчиком». «Любовь к философии, к познанию смысла жизни вытесняла во мне всё»².

Свою философскую позицию Бердяев определил следующим образом: «В центре моего философского творчества находится проблема человека. Поэтому вся моя философия в высшей степени антропологична. Поставить проблему человека – это значит в то же время поставить проблему творчества, личности, духа и истории. Поэтому я занимался главным образом философией религии, философией истории, социальной философией и этикой»³.

Антропологизм учения Николая Бердяева имел глубоко личное происхождение. Драматизм его судьбы, его поисков, достижений, разочарований находит отражение в его сочинениях. Происхождение этого драматизма – специфически русский феномен. Историческая укорененность в социальной среде, с одной стороны, и страстное желание осуществиться через актуализацию личной свободы, с другой, – события, сказавшиеся на судьбах многих русских людей. Сам Бердяев писал так: «Разрыв с окружающей средой, выход из мира аристократического в мир революционный – основной факт моей биографии, не только внешней, но и внутренней. Это входит в мою борьбу за право свободной и творческой мысли для себя»⁴. Изначально у него было предчувствие того, что поле истины находится во внутреннем мире человека. Тем не менее внутренний мир невозможно представить оторванным от всякой объективной реальности. В противостоянии ей кристаллизуется подлинная человеческая сущность, а следовательно, правда, интересующая человека. Жизненный путь русского философа наглядно демонстрирует экзистенциальную антиномичность, сказавшуюся на всем учении Бердяева.

«По своему происхождению я принадлежу к миру аристократическому. Это, вероятно, не случайно и наложило печать на мою душевную формацию. Мои родители принадлежали к “светскому” обществу, а не просто к дворянскому обществу. Будучи социал-демократом и занимаясь революционной деятельностью, я, в сущности, никогда не

вышел окончательно из положения человека, принадлежащего к привилегированному, аристократическому миру. И это и после того, как я сознательно порвал с этим миром», – писал Бердяев в «Самопознании». Он навсегда остался аристократом, но таким, который был увлечен не социальным предназначением аристократии, а абсолютным ее смыслом.

«В аристократическом обществе я не видел настоящего аристократизма и видел чванство, презрение к низшим, замкнутость. В России не было настоящих аристократических традиций. У меня была, конечно, “господская” психология, предки мои принадлежали к “господам”, к правящему слою. Но у меня это соединилось с нелюбовью к господству и власти, с революционным требованием справедливости и сострадательности. Я принадлежу к “кающимся дворянам”, хотя одно время усиленно боролся против такой душевной формации»⁵.

Философские влияния, испытанные Бердяевым, обширны и разнообразны. Вот как он сам об этом писал: «...мне особенно близки Гераклит, Ориген и Св. Григорий Нисский среди отцов церкви, Яков Беме, который имел огромное значение для моего духовного развития, и в некоторой степени Кант. Что касается философов нашего времени, у меня есть точка соприкосновения с Бергсоном, Джентиле, Максом Шелером. Среди представителей экзистенциальной философии наиболее близок мне Ясперс. Достоевский, Л. Толстой, Ницше, в свою очередь, сыграли большую роль в выработке моего мировоззрения, так же как Маркс, Карлейль, Ибсен и Леон Блуа – в становлении моих социальных взглядов»⁶. Для более полного понимания характера философии Н. Бердяева важно еще одно его собственное свидетельство: «Я всегда чувствовал себя очень связанным с героями романов Достоевского и Л. Толстого, с Иваном Карамазовым, Версиловым, Ставрогиним, князем Андреем и дальше с тем типом, который Достоевский назвал «скитальцем земли русской», с Чацким, Евгением Онегиным, Печориным и другими. В этом, быть может, была моя самая глубокая связь с Россией, с русской су-

дьюбой. Также чувствовал я себя связанным с реальными людьми русской земли: с Чаадаевым, с некоторыми славянофилами, с Герценом, даже с Бакуниным и русскими нигилистами, с самим Л. Толстым, с Вл. Соловьевым»⁷.

Революционность Бердяева, очевидно, тоже во многом личного происхождения, но увлечение марксизмом имело для него и важные методологические последствия. Марксизм как никакое другое учение обнажил противоречия буржуазного мира. Правда, для философа была важна не столько социально-экономическая доминанта марксизма, сколько ее развитие в духовной сфере, поэтому его усвоение марксистских принципов было критическим до такой степени, что в более поздние периоды своей деятельности он, всегда имея их в виду, использовал только с целью аргументации позиции, захватывающей социологическую проблематику. В.В. Зеньковский писал: «Духовная эволюция Бердяева началась с его раннего увлечения марксизмом, но очень скоро занятия философией привели его к пересмотру философской стороны марксизма. Бердяев вместе с другими русскими марксистами стал последователем трансцендентального идеализма, который он, впрочем, довольно долго соединял с социальной программой марксизма»⁸.

Оригинальное развитие своих философских взглядов было реализовано Бердяевым претворением социально-философской и трансцендентальной направленности мысли в религиозно-экзистенциальную. «С известного момента моего пути я с необычайной остротой поставил перед собой и пережил проблему личности и индивидуальности. Это была не только проблема моей философии, но и проблема моей жизни»⁹, – писал он в автобиографии. Философская интуиция личности открылась ему как включающая всю полноту бытия. Личность он считал спиритуалистической, а не естественной категорией; она – не часть какого-либо целого, не часть общества, напротив, общество – только часть или аспект личности. Личность – не часть космоса, напротив, космос – часть человеческой личности. В личности целое предшествует частям. Личность – микрокосм, универсум. Следовательно, личность,

по мысли Бердяева, развивающего в данном случае точку зрения И. Киреевского и Вл. Соловьева, должна быть понята как действительное «Начало». Такое подлинное «Начало» должно содержать все, быть абсолютно конкретным, т.е. должно быть тем, по отношению к чему все остальное является частным случаем, проявлением, ограничением, отвлечением, упрощением и т.д. Такое Начало должно быть понята как существующее в абсолютном, безусловном смысле и не может быть зависимым ни от чего другого. Именно поэтому религия есть жизненная основа философии, религия питает философию реальным бытием.

Согласно Бердяеву после Канта бытие можно искать только в субъекте, что означает признание бытийственности самого субъекта, т.е. внутреннего существования. В немецкой же классической философии произошло объективирование субъекта, в субъекте не оказалось внутреннего существования. Отсюда непонимание проблемы личности, проблемы человека. «Субъект» Канта, Фихте, Гегеля – не человек, совсем не личность¹⁰. Кстати будет заметить, что такая теоретическая объективация может быть понята как выражение всей духовной традиции Запада, изначально стремившейся определить человека через внешние факторы: гражданские обязанности, имущественное состояние, расовую принадлежность.

Бердяев, развивая традицию русской религиозной философии, требует принять в качестве смысловой системы координат конкретное жизненное содержание личности, которое не может быть ограничено только теоретическим опытом. Чувства, эмоции, подобные состояниям тоски, страха, заботы, – эти элементы занимают центральное место в структуре личности. В них, а не в чистом мышлении и в объективном чувственном восприятии скрыта вся полнота бытия личности. «Сущее дано лишь в живом опыте первичного сознания, до рационалистического распада на субъект и объект, до рассеяния цельной жизни духа»¹¹. Не из мертвых категорий субъекта соткано бытие, а из живой плоти и крови. Подобное представление является выражением мировоззрения, претендующего быть христианским. По сути, в

пределе оно предполагает единство Бога и эмпирической личности: «Вопрос о Боге – вопрос почти физиологический, гораздо более материально-физиологический, чем формально-гносеологический, и все чувствуют это в иные минуты жизни, неизъяснимые, озаренные блеснувшей молнией, почти неизреченные»¹². Как здесь не вспомнить Леонтьева и его почти животный Божий страх, глубоко пережитый им лично, приведший его к «мистическому материализму».

Единство Бога и эмпирической личности как раз и позволяет полагать опыт, обнаруживаемый каждым человеком в своем личностном бытии, в качестве точки отсчета для всех смыслов – первичного и исходного. Это означает, что любое опытное знание (внешнее или внутреннее) будет обретать смысл в зависимости от того, что оно есть по отношению к личности, как одно из неотъемлемых определений личности. Другими словами, не личность определяется через порядок внешней действительности, а наоборот – всякий эмпирический (внешний или внутренний) факт должен получать бытийственный статус в горизонте существования личности.

Христианское понимание сущего (христианский гнозис) укоренено в жизни, оно имеет практически-жизненный характер. Овладение сущим не просто дает новые знания человеку, а приводит к коренной перестройке всей его жизни, придает ей настоящий смысл, поскольку открывает человеку самую важную истину – о его предназначении в мире.

Отсюда центральная тема философии Бердяева – тема творчества. «Тема о творчестве, о творческом призвании человека – основная тема моей жизни, – писал философ в автобиографии. – Постановка этой темы не была для меня результатом философской мысли, это был пережитый внутренний опыт, внутреннее озарение»¹³. Уже ранние произведения философа были ответом на кризисы – сначала социально-политический, затем – научно-философский и, наконец, религиозный как выражающий характер духовности в целом. Религиозное сознание в Европе переживало кризис, который должен был привести к существенно новому пониманию рели-

гиозных истин и новому религиозному действию. Было что-то, мешающее остаться при одной только истине, уже открытой и завершённой откровением христианства. Какая-то новая правда, предчувствуемая человеком, не вмещалась в рамки, намеченные старыми авторитетами¹⁴.

Источником такой правды для русского философа был личный, конкретный опыт, инициированный обостренным восприятием действительности и реализовавшийся в активном переосмыслении духовно-интеллектуальных поисков современников. «Проблема нового религиозного сознания в христианстве для меня стояла иначе, иначе формулировалась, чем в других течениях русской религиозной мысли начала XX века. Это не проблема плоти, как у Мережковского, не проблема освящения космоса, как в софиологическом течении, а проблема творчества, проблема новой религиозной антропологии. Эта новая антропология отлична от антропологии святоотеческой и схоластической, как и от антропологии гуманистической, поскольку она обоснована натуралистически»¹⁵.

Содержание интеллектуальных поисков Бердяева определялось вполне уже созревшим в жизни и сознании конфликтом между двумя формами мироотношения – приспособлением к данному состоянию мира (пассивным отношением к царству необходимости) и творческим преобразующим замыслом человеческого духа. Этот конфликт «требовал своего философского и объективного выражения, что могло быть достигнуто лишь тогда, когда медленно созревавшее творческое мироотношение выпрямилось и осознало себя»¹⁸.

По существу, Бердяева волнует ответ только на один вопрос, идущий от истоков христианства: «Можно ли перейти от творчества совершенных произведений к творчеству совершенной жизни?». Ведь Благая Весть человечеству была дана в период расцвета одной из величайших культур и накануне ее крушения. Уже поэтому под творчеством следует понимать «не создание культурных продуктов», а «потрясение и подъем всего человеческого существа, направленного к иной, высшей жизни, к новому бытию». От-

сюда понятно, почему Николаю Бердяеву «не импонировало никакое положение в обществе, никакой иерархический чин», почему ему было «чуждо иерархическое чувство, всякое различие людей по положению в обществе, вне личных качеств людей», почему, наконец, он «всегда терпеть не мог символов в человеческих обществах, условных знаков, титулов», которые представлялись ему «противными реальностям».

Вместе с тем он отнюдь не отрицал творчества культуры и смысла продуктов творчества. Бердяев считал, что это есть путь человека, который он должен пройти через творчество культуры и цивилизации. Но он считал такое творчество символическим, дающим лишь знаки реального преображения. Реалистическое творчество было бы преображением мира, концом этого мира, возникновением нового неба и новой земли.

Начало подлинного творчества – сам человек. Творчество человека – не его требование и право, а требование Бога к человеку и его обязанность. Бог ждет от человека творческого акта как ответа на свой творческий акт. Потому «всё, что вытекает из утверждения личности, так же универсально, как и космология»¹⁷. Бердяев имеет в виду идею о соотношении микрокосмоса и макрокосмоса – внутреннего и внешнего в бытии. Порядок внешнего взаимодействия должен следовать из порядка внутреннего общения. Но это возможно, если человек преодолевает свою мирскую ограниченность. «Проблема же свободного общения людей на земле есть частность более широкой задачи реализации личности, – утверждал мыслитель. – Только то космическое мироощущение, которое связывает себя с нею, может быть достаточно живым и достаточно универсальным»¹⁸.

Религиозная философия Бердяева – это своеобразное противопоставление космологического мироощущения социологическому. Все общественные тенденции – и реакционные, и революционные – с его точки зрения, противны подлинно творческому настрою, они – «ветхозаветны», а значит непродуктивны в деле «создания космоса из мирового хаоса». Человек одержим творчеством высшей правды жизни и высшего бы-

тия. «Бесконечный дух человека претендует на абсолютный, сверхприродный антропоцентризм, он осознает себя абсолютным центром не данной замкнутой планетной системы, а всего бытия, всех миров»¹⁹. Творческий опыт – не рефлексия над собственным несовершенством, а обращенность к преображению мира, к новому небу и новой земле, которые должен уготовлять человек. Творец одинок, и творчество носит не коллективно-общий, а индивидуально-личный характер. Человек, будучи творцом, открывает в себе порядок подлинного существования как непосредственное, интуитивное знание, пережитое в экстатическом единении с воплотившимся Абсолютом, Христом. Через это становится возможным воссоздание действительности, определяемой не внешними факторами, а внутренним, т.е. нравственным, моральным свершением. «Дотворческая мораль проникнута послушанием злу и потому оппортунистична – творческая мораль состоит в творческом преображении; дотворческая мораль основана на отрывании и противопоставлении человеческого и божественного – творческая мораль строится на откровении серафической природы человека»²⁰.

Мысль Бердяева предельно революционна. Однако важно то, что его пафос «рождается в действительности не из борьбы с Евангелием, а из борьбы с одним из неадекватных его раскрытий в христианском сознании – с философией пассивизма»²¹. Религиозно-философское сознание вызывает к активности человека, исходящей из его внутреннего основания, которое представляет собой чувственно-интеллектуально-нравственную цельность. Тогда осуществится «глубинный» смысл мира – истинно религиозная жажда разрешить на земле проблему свободного общения, которая является частью намеченной христианством задачи – реализации начала личности в земном человеческом существе.

Примечания

¹ *Евлатиев И.И.* История русской метафизики. СПб., 2002. С.300.

² *Бердяев Н.А.* Самопознание. Л., 1990. С.23.

³ *Бердяев Н.А.* Мое философское мирозерцание // Н.А. Бердяев: pro et contra. СПб., 1994. С.23.

- ⁴ Бердяев Н.А. Самопознание. С.41.
- ⁵ Там же. С.39.
- ⁶ Бердяев Н.А. Мое философское миросозерцание. С.23.
- ⁷ Бердяев Н.А. Самопознание. С.17.
- ⁸ Зеньковский В.В. История русской философии: В 2 т. М., 1990. Т.2. Ч.2. С.60.
- ⁹ Бердяев Н.А. Самопознание. С.102.
- ¹⁰ Бердяев Н.А. Я и мир объектов. Опыт философского одиночества и общения // Философия свободного духа. М., 1994. С.249.
- ¹¹ Бердяев Н.А. Философия свободы // Бердяев Н.А. Соч. М., 1989. С.71.
- ¹² Там же. С.133–134.
- ¹³ Бердяев Н.А. Самопознание. С.205.
- ¹⁴ См.: Мейер А.А. Новое религиозное сознание // Н.А. Бердяев: Pro et contra. СПб., 1994. С.281.
- ¹⁵ Бердяев Н.А. Мое философское миросозерцание. С.25.
- ¹⁶ Зеньковский В.В. Проблема творчества. По поводу книги Н.А. Бердяева «Смысл творчества. Опыт оправдания человека» // Н.А. Бердяев: Pro et contra. СПб., 1994. С.285.
- ¹⁷ Бердяев Н.А. Смысл творчества // Бердяев Н.А. Соч. М., 1989. С.302.
- ¹⁸ Там же. С.328.
- ¹⁹ Там же. С.341.
- ²⁰ Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М., 1994. С.311.
- ²¹ Зеньковский В.В. Проблема творчества. С.298.